

Вет. Москва. - 1998. - 20 янв. - с. 7

«Мы с ней промучались полгода»

Кое-что еще про Раневскую

Поскольку я давно знаю любимца телезрителей, автора передачи «В поисках утраченного» Глеба Анатольевича Скороходова, то совсем не поразился тому, чем намерен удивить вас. Вы можете себе представить человека, у которого в ящике письменного стола уже много лет лежит готовая рукопись книги о несравненной Фаине Георгиевне Раневской? Не можете? Так это как раз и есть Глеб Скороходов. Не станем ждать, когда на что-то решится скромнейший Глеб Анатольевич или издатели проявят, наконец, некоторые усилия и осчастливят нас этой книгой...

- Ты действительно никому не предлагал эту рукопись?

- Вообще-то предлагал. В одном издательстве мне объяснили, что сейчас про Раневскую никому неинтересно. Я попробовал обратиться в другое издательство. Но, понимаешь, книжное дело пребывает в каком-то странном состоянии: издатель хотя бы деньги получать, а не платить. А я вовсе не располагаю средствами, чтобы самому финансировать их деятельность.

- Ну ладно, пока суть да дело, расскажи немного о Раневской. Ну, например, о ее дружбе с Ахматовой. Многие этой дружбе весьма удивлялись, им казалось, что стороны, так сказать, неравновелики.

- Чтобы ответить на твой вопрос, нужна еще одна, отдельная книга. Для Раневской Ахматова была как бы небожительницей. Для нее вообще поэзия была вершиной человеческого проявления. Так что искать простое обозначение их взаимоотношений - дело бесплодное.

Как ни странно, их сближало отменное чувство юмора.

Как-то Фаина Георгиевна сказала Анне Андреевне: «Вы ведь пишете стихи вовсе не для элиты. Их можно даже петь на самый что ни на есть народный манер». И запела на забубенный шарманочный мотив песни «Бродяга Байкал переехал»: «Так беспомощно грудь холодела. Но шаги мои были легки. Я на правую руку надела Перчатку с левой руки». Получилось нечто вроде «Маруся отравилась».

При этом Фаина Георгиевна затеяла целый спектакль. Она изобразила некую швею, которая сосредоточенно занята своим шитьем. И что-то прострачивает, и откусывает, сплевывая, нитку, и лезет под стол за упавшей иголкой. При этом распевает ахматовские стихи.

Обычно сдержанная Анна Андреевна хохотала до слез. И в дальнейшем, когда приходили избранные гости, умоляла Фаину Георгиевну «спеть швейку».

- Ну вот, опять сводим Фаину Георгиевну до прелестного анекдота, а она ведь была мудрым, эрудированным человеком.

- И очень даже! Какие же без этого могли быть отношения с Ахматовой?

В Ташкенте, в эвакуации, в комнате Анны Андреевны были лишь солдатская койка с простым одеялом и табуретка, на которой стояла свеча, заменяющая электричество.

И вот в этой комнатке Ахматова тайком прочитала своей подруге первую главу романа, о котором почти никто еще не знал, да и знать было не положено. «Мастер и Маргарита». «А кто этот господин на скамейке?» - спросила Фаина Георгиевна. «Дьявол, душечка!» - прошептала Ахматова, и глаза ее, надо полагать, сверкнули. Фаина Георгиевна рассказывала, что пришла в ужас и завалилась от страха.

Анна Андреевна была очень доверительна с Фаиной Георгиевной. Думаю, их сближало и отношение к эпохе.

- Я ведь не ошибусь, если скажу, что они обе были жертвами

трагичной судьбы всего народа?

- И это тоже связывало их души. После постановления о журналах «Звезда» и «Ленинград» Фаина Георгиевна пришла, чтобы как-то поддержать дорогого ей человека. «Вы знаете, - сказала Анна Андреевна, - у меня такое ощущение, будто по душе прошли танки».

- «Танки» не миновали и судьбы Фаины Георгиевны и ее родных. Нетрудно, конечно, догадаться, как она относилась к Сталину.

- А у них даже была некоего рода встреча. Раневская играла в спектакле «Гибель эскадры». А спектакль этот пригласили в Кремль, чтобы показать товарищу Сталину. Актеры уже заранее стали делать дырочки в костюмах для орден.

У Фаины Георгиевны была четкая задача: выйти на палубу и поглядеть из-под ладошки - не видать ли вражеских кораблей? Вышла она, значит, на палубу, поглядела из-под ладошки и увидела в первом ряду товарища Сталина. И вся роль вылетела у нее из головы. Поиск вражеских кораблей затянулся до неимоверности. Партнеры в ужасе стали подсказывать ей слова роли. И она кое-как их проговорила.

После спектакля Иосиф Виссарионович хмуро сказал: «Очень много стреляют. Шумно!». Дырочки для орден негодились. Это была единственная встреча Фаины Георгиевны Раневской с Иосифом Виссарионовичем Сталиным.

- То есть взаимной симпатии не состоялось.

- Но, ты знаешь, с этой семьей у нее связана и довольно симпатичная коллизия.

Фаину Георгиевну обожала молоденькая Светлана Сталина. А надо сказать, вернувшись зимой из эвакуации, шикарная актриса ходила в дырявом пальтишке и вконец развалившихся башмаках. Холодно ей было! И вдруг Светлана приносит ей домой каракулевую шубу до пят. Фаина Георгиевна попыталась не принять столь роскошный дар. Но Светлана

могла часами восторженно говорить о ней, но истина есть истина: «Если бы только она не пела! Когда она поет, ее голос звучит, как будто кто-то пишет в пустой таз». Как видишь, достаточно нормативно.

- Мне приходилось слышать от нее и менее нормативные, но еще более точные выражения.

- Другой стал бы спорить, но у меня нет на то оснований.

Раневская мечтала быть представленной Татьяне Львовне Щепкиной-Куперник, этой утонченной представительнице старинной культуры. И вот наконец сподобилась! Сидит среди всевозможных антикварностей в квартире Щепкиной-Куперник и благоговейно глядит на изысканную старушку. А надо сказать, уже после третьей рюмки даже размером с наперсток Фаина Георгиевна начинала чувствовать себя несколько раскрепощенно.

Естественно, зашла речь о высоком творчестве. В частности, об известной артистке, вдове замечательного писателя, близкой подруге Татьяны Львовны. Фаина Георгиевна раздумчиво заметила: «Татьяна Львовна, а ведь она - блядь!». И обмерла от ужаса в предчувствии, что ей сейчас откажут от дома. Изысканная хозяйка всплеснула ручками и со знанием дела воскликнула: «Блядь, душечка, блядь!».

- Что ж, вполне конкретный разговор о буднях искусства... А как ты с Раневской познакомился?

- Я работал тогда на радио в литдраме. Приблизился чеховский юбилей. Я решил позвонить и предложить ей прочитать по радио рассказ Чехова. «Справлюсь ли, я ведь не чтица, - усомнилась Раневская, - это серьезный разговор, приезжайте, посоветуемся».

К чему я это говорю? В ней, весьма категоричной, не сказать амбициозной, был дар чистого благоговения. Вполне естественное чувство, но в ней оно было каким-то очень доподлинным. Уже в ходе нашей работы она усомнилась: не будет ли длинноват для чтения рассказ Антона Павловича? Я беззаботно предложил: «Так давайте сократим!». Фаина Георгиевна была дама с прищуром, ее весьма трудно было заставить врасплох. Но тут она посмотрела на меня прямо-таки огоршенно и беспомощно прошептала: «Кого? Чехова?!».

- А ведь некоторые коллеги такое ее отношение к творчеству, и лично к своему тоже, принимали за вздорность и высокомерие.

- Над возможностью прочитать по радио рассказ Чехова мы с ней промучались полгода - спорили, ссорились, радовались. Все кончилось тем, что звукозапись так и не состоялась. Фаина Георгиевна сказала: «Очень жаль, Глеб, но это выше моих возможностей».

Беседу вел Эдуард ГРАФОВ
Фото РИА-НОВОСТИ
И ИЗ АРХИВА «ВМ»